

Н. П. Крыковъ. „Лѣто“.
(Выставка Союза русск. художниковъ
1915 года).

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петрицкая. Москва. Варшава. Харьковъ. Киевъ. Одесса. Николаевъ. Вильна. Ростовъ на Д.
Самарскъ. Баку. Рига. Екатеринбургъ. Новороссійскъ. Троицкъ.

№ 38—39.

1 АВГУСТА 1915 г.

АВТО-ШИНЫ
ЕЛКА
ТРЕУГОЛЬНИКЪ

СРЕДИ КНИГЪ. ШОПЕНЬ.

Въ воспоминашяхъ Жоржъ Зандъ находилъ слѣдующія строки, посвященныя вечеру, когда въ гостиную вѣстрѣнились Шопень, Мишкень и Делакруа.

Шопень и Делакруа, такъ вѣнствуютъ Жоржъ-Зандъ, къ какому любимъ другъ друга. Но какъ тѣлоустенныя личности они легко расходились. Делакруа понималъ Шопеня, онъ преломлялъ предъ нимъ, объяснялъ его. Шопень уважалъ Делакруа, какъ человека, но не находилъ въ немъ экономскаго. Талантъ Делакруа былъ больше разностороннимъ: ему доступны были мѣръ звуковъ, ему были были законы музыки, и чудеса съ не скрыты были отъ него всепроникающей завитой... Онъ умаласъ божественнымъ гениемъ Шопеня, задалъ излупить все въ написанное. Его преломленіе трогало Зандъ, но послѣдній совершенно терпѣлся, когда ему приходилось высказываться о новыхъ картинкахъ своего друга. Ибо Шопень былъ только музыкантомъ и не былъ инымъ. Его мысли воплощались только въ звукахъ. Его духовная организація была безвременно сложна, но живописи и скульптура оставались для него катой за семью печатями. Микель-Анджело интуитъ ему ужасъ, Губерсъ—отталкивалъ его. Все неинтересно въ искусствѣ страшно раздражало его.

Никто не рѣшался вышиться въ горячій споръ обоихъ художниковъ, съ собой своей разгорѣлись во время обла. Лишь за десертнымъ Морисъ Чъ имѣлъ смѣлость обратиться въ Делакруа съ просьбой посвятить его въ сущность ученія о красочныхъ рефлексахъ. Шопень весь обратился во вниманіе. Великій мастеръ кисти проводилъ параллель между красками въ живописи и звуками въ музыкѣ.

Гармоніе въ музыкѣ, такъ началъ Делакруа, опредѣляется не только составомъ аккордовъ, но и ихъ взаимоотношеніемъ, ихъ логической послѣдовательностью, которую можно было бы назвать тональнымъ рефлексомъ. Попадъ къ мѣт ту синюю ноту или красный корень. У кажда нотушка въ корень, и ты слышишь же завитую, что на плоскости, гдѣ соотносятся они, мы наблюдаемъ взаимное потягиваніе красочныхъ тоновъ. Красное пріобрѣтаетъ синеватый отблескъ, а между обоими плоскостями движется фиолетовая краска. Такимъ образомъ на одной картинкѣ можно сочетать сильнѣйшіе красочные контрасты, смѣшивать ихъ рефлексы, и получить все же гармоничный корнотъ. Промежуточные тона часто господствуютъ въ живописи. Премежани ихъ хочется изгнать оттуда, что было бы въ концѣ концовъ исполнимо. Но въ результатѣ получается въ маленкая непритворность: искусство живописи перестаю бы существовать въ свѣтѣ...

Шопень уже не слушалъ больше. Онъ сѣлъ за рояль и сталъ мечтательно импровизировать, не замечая типична, копривѣщенія кадуцъ въ залѣ. Виселомъ итра его обормалъ. «Я надѣюсь», воскликнулъ Делакруа, «мы еще не кончили».

«Я итра, а еще не началъ. Мнѣ вѣсело не приходило въ голову. Тѣмъ, отбавки, несныя очертанія... а ишу красокъ, не нахожу даже рисунка».

Вновь пальцы его оуаскуются на клавиши. Онъ продолжаетъ свою импровизацію. Мы даже не оутичили, что онъ прервалъ ее...

Нашему внутреннему зрѣнію представлялся темная сцена злѣной ночи. Легкія облачка покрывали горизонтъ, обволакивали фантастическими выдвигами луны, олавные лучи которой проливали на насъ свой мѣлкій свѣтъ... Мы погружались въ ночные чары...

Знотокъ. Шопень вѣрно издвигается и умоляетъ. Я призываю слугъ не принимать никого.

«Нѣтъ, итра», перебиваетъ меня съ горячностью Шопень, «этого гостя вы полагаете принять?»

«Кто же, во вѣсному, прислава?»—спрашиваетъ я.

«Мишкень».

«Почему вы такъ полагаете?»

«Утѣрять не могу. Но чувствую, что это онъ. Я только что думалъ о немъ».

Дѣлательство, вопелъ Мишкень. Теропольно похоронившись съ нами, онъ садится въ отдаленный уголъ салона и проситъ Шопеня продолжать. Шопень вновь заставляетъ звучать струны рояля. Онъ воплощается, уюпится въ божественныя сферы.

«Но карусъ вѣбаетъ бѣлшій, перепуганный слуга. Въ доикъ жару! Огонь, отнатыкъ намъ спально, въ счастье мы прибавили еще во время и нашь удалось совладать съ разгорѣвшимся пламенемъ. Трепота отняла у насъ около часа».

Всѣ направляются вновь въ салонъ.

«Гдѣ же Мишкень?» спрашиваемъ мы другъ друга.

«Въ темномъ углу, гдѣ оставила его, издомула вновь поэта. Лампа потаска, но Мишкень не замѣтилъ этого. Кутерма и шумъ, познатыкъ нами, не были услышаны имъ, онъ даже не зналъ, что остался одинъ въ залѣ. Онъ продолжалъ помнить мѣръ Шопеня даже тогда, когда послѣдній давно уже отошелъ отъ рояля».

Я разсмѣлся. Мѣлкій, скорный поэтъ спотыкался о принятъ моего счастья.

«О ничего оубогаго», отвѣтила я, «но въ слѣдующій разъ, когда загорится въ комнатѣ, въ которой мы будемъ находиться вѣнствѣ, я постараюсь вѣрнымъ дѣломъ внести насъ отуга».

Ест. К.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1915 ГОДА.
ОПЛАТИТЕ СЕБѢ ЗА 1916 ГОДЪ И ПЕРВЫЕ ПЯТЬ МѢС. ЗА 1915 ГОДЪ ПОЛНОСТІЮ РАСПРОДАНЫ.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1915 ГОДЪ:

въ Петроградѣ 11 руб. 50 коп.

въ Россіи 12 руб. 50 коп.

за границей 40 франковъ.

Кромѣ того подписка принимается съ 1 мая до конца года (съ № 33) — 9 руб. вслѣдъ изъ Россіи, съ пересылкой и доставкой.

Отдѣльный номеръ (съ перес.) — 85 коп.

Подписка на четыре № (пробы) — 1 р. 50 к. вслѣдъ изъ Россіи.

РЕДАКЦІЯ: Каменистый островъ, 31, площ. Старого театра, соб. бала. Тел. 145-25.

КОНТОРА: Невскій, 28 (д. Зингера), к. 10 (съ Невскаго въ подземномъ мѣстѣ, въ 3 этажѣ). Тел. 260-51 и 171-38.

Объявленія (съ цѣнзурой редакціи) — до 80 коп. строка нумерованъ (1/4 часть ширины строки).

Цѣна за строку — 400 руб. меньше 1/4 строки, объявленія не печатаются.

№ 40-41 выйдетъ 1 сентября 1915 года.

Мѣсто въ Россіи такого журнала, какъ «СТОЛИЦА И УСАДЬБА», теперь, во время войны, представляется большой трудностью: мѣсто было бы было помыслилось въ цѣнѣ явнѣе и не достать бы труднѣе и труднѣе, бумага для обложки помыслилась бы, необходимая краски не было бы, бумага для обложки помыслилась бы, краски для обложки помыслилась бы и стала бы казенною, и т. д.

Тѣмъ не менѣе журналъ будетъ выходить во все время войны, насколько не являя своего вида, несмотря на затрудненія. Намъ хотѣлось бы на немъ показать, что въ Россіи «какое-то очно трудно, но все же концы концовъ достигаются»...

Продолжится маршъ только съ тѣмъ, что дальнѣйшее издательское редакціи улучшеніе журнала и расширеніе его объема (при той же цѣнѣ) пока задерживается — это будетъ гдѣ-то послѣ войны.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Петроградское Общество
поощренія рыскаго коннозаводства.

Б Ъ Г А

НА СЕМЕНОВСКОМЪ ПЛАЦУ.

ОСЕННИЙ СЕЗОНЪ 1915 ГОДА.

АВГУСТЪ 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 1 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 2 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 3 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 4 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 5 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 6 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 7 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 8 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 9 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 10 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 11 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 12 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 13 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 14 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 15 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 16 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 17 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 18 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 19 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 20 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 21 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 22 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 23 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 24 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 25 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 26 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 27 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 28 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 29 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 30 (пр. дѣлать въ Л. П. Пониковецъ) и 31 (пр.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 38-39.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЬ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

1 АВГУСТА 1915 ГОДА.
ПЕТРОГРАДЪ.

УСАДЬБА СТРУЙСКИХЪ „РУЗАЕВКА“

(Изъ воспоминаній последней въ родѣ).

... Николая Еремьевича Струйского служить при Екатерине II. Вышедши в отставку, он, поселившись в селѣ Рузаево, Пензенской губернии, Инсарского уѣзда, гдѣ у него было двѣмъ-дворецъ. Это было громадное зданіе съ двухъэтажными залами, хорами, картиной галереей, мраморными простѣночными столами, мебелью изъ дѣльнаго краснаго дерева; замѣчательны были бюро, оклеенныя черепахой съ бронзой и инкрустацией слоновой костью. Потолки

парадных комнат были расписаны лучшими мастерами того времени. Передь домомъ были двѣ церкви, — въ одной изъ нихъ до сихъ поръ сохранилась пре-

Евграфъ Николаевичъ Струйскій,
одинъ изъ участниковъ войны 12 тоиз.

Александра
Петровна
Струйская.

красавой живописи, внутренность церкви мистична и возложена мрамором. В противоположной стороне должно выходить из большой сады-парк, с линовыми явками... В конце главной аллеи быть выстроены танцевальными залом с зимним садом, (онг виден на фотографии). В картинной галерее были изданные художники русской и иностранной школы. Быть очень хороши портреты Екатерины II, быть в натуральную величину, написанный академическом Рококо-том, в ртатной позолоченной раме, на кото-

Николай Еремеевич Струйский.

Рузаевна. Подъезд к бывшей усадьбе, со стороны Саранска.

рой были изображены Рузаевский ели и разнеруная книга с изображением первой страницы эпистоляр, посвященной Струйскимъ Екатерина II. За эту эпистоляр оны получили бриллиантовый перстень. Рама стояла на мраморномъ столѣ, поддерживавшемся двуглавыми орлами, — это въ портреты и всѣ картины русской школы приобрѣлъ Московскій Историческій Музей, гдѣ они нынѣ и находятся.

Поселившись въ Рузаевку, Н. Е. предался поэзии, писалъ много стиховъ, у него была своя типографія, переплеталъ свои книги въ газетъ, сафьянъ и пергаментъ; оны имѣли большую библиотечку русскихъ и французскихъ книгъ. Имѣли громадныя средства, оны жаль по царски, женились на 13-лѣтней красавицѣ

Была главная аллея; въ концѣ аллеи видѣются развалины оранжереи.

изъ хорошей семьи, имѣлъ массу дѣтей. Всѣмъ руководила его жена, а оны все время проводили въ своемъ кабинетѣ, который называлъ Парнасомъ и писалъ стихи...

Одинъ изъ сыновей его, Леонтій Николаевичъ Струйскій, сошелся съ дворовой дѣвушкой, у него родились отъ этого союза сыны, впоследствии поэтъ Полежаевъ. После смерти Н. Е. Струйскаго имѣние „Рузаевка“ перешло къ старшему сыну его Петру.

Въ домѣ жила дальняя родственница, которая считалась прозорливой, она предсказала, что „домъ будетъ снова тамъ, откуда взялъ“: въ то время никто не понималъ ея словъ, но въ 1869 году, когда имѣние это принадлежало уже Михаилу Петровичу Струйскому, прѣхали двѣ монахини,

... Если подѣлывать изъ Пензы, виденъ домъ и флигель, отъ котораго тянутся камешныя востройки; башня, которая видѣется слѣва — на бывшемъ конномъ дворѣ...

рося его помочь имъ, такъ
къ въ 4-хъ перстахъ отъ Ру-
евки—рядомъ съ его лѣсомъ,
гдѣ раньше были кирпичные са-
раны, въ которыхъ выдѣлывались
кирпичи для постройки Руза-
евского дома,—открылся родникъ и
онѣ хотѣли основать тамъ общину;
Михаилъ Петровичъ помогъ имъ,
и черезъ 25 лѣтъ монастырь этотъ,
разбогатѣвши, приобрѣлъ весь
лѣсъ, а въ 1886 году, когда у
М. П. не осталось средствъ под-
держивать усадьбу, пришлось ее
продать за безцѣнокъ тому же
монастырю. Домъ былъ сломанъ,
перевезенъ въ обитель, гдѣ изъ
него выстроили громадные кор-
пуса; садъ-паркъ вырубилъ, землю
вспахали, единственно осталась

церковь Покрова, на поддержку
которой оставленъ капиталъ
одной изъ Струйскихъ.

Тогда только были поняты
слова прозорливой, что домъ
вернется туда, гдѣ дѣлались для
него кирпичи.

Теперь черезъ Рузавку про-
ведена линия желѣзной дороги,
большая станція „Рузавка“, а
село напоминаетъ городъ.

Родъ Струйскихъ теперь пре-
кратился. Последнимъ пред-
ставителемъ его былъ Михаилъ Пе-
тровичъ Струйскій, умершій въ
1911 году, 92 лѣтъ отъ роду,
умершій въ бѣдности, на рукахъ
своей дочери...

Е. С.

Рузавка. Портретъ Екатерины II
рѣб. академика Раютова, теперь
находится въ Московскомъ Исто-
рическомъ музеѣ.

Перенесли въ М. П. въ
здѣшнюю церковь;
перенесли портретъ в
руку, въ которой изображенъ
Христосъ, въ 17-й годъ.

ЭКЗОТИЧЕСКІЕ РАЗГОВОРЫ.

Сидѣли въ маленькой дачѣ,
уже покрывшейся, на террасѣ,
устланной мягкимъ ковромъ.
Вспоминали о томъ, какъ въ это
же время въ прошломъ году, въ
началѣ юля, всѣ были еще далеки отъ мысли о страш-
ной войнѣ. Тогда сидѣли не здѣсь, а рядомъ въ боль-
шой роскошной виллѣ, гдѣ теперь устроены лазареты.

Кто-то сказалъ, именно такую фразу—„тогда всѣ
были далеки отъ мысли объ этой страшной войнѣ“.

— Всѣ ли?—прервали говорившаго—ясно теперь,
что не всѣ... Иные знали про надвигающееся на
культурный міръ... вѣрнѣе на міръ, считавшій себя
культурнымъ, ибо больше нѣтъ культуры; культура—
это прежде всего право, а теперь права нѣтъ...

Это фразѣ!—недовольно замѣтилъ одинъ изъ го-
стей, не старый, но казавшейся уже старымъ, молча-
вшій до сихъ поръ.

— безъ права можно обойтись, мы привыкли...
Гораздо труднѣе безъ экспрессы, нигде не поѣхать...

— Послѣ того какъ Лихтенберге написали съ
васъ Ле Эртье въ своемъ „Заказѣ“, вы еще больше
близко—пошутили надъ нимъ.

— Во-первыхъ Эртье 50 лѣтъ, а мнѣ всего 42,
а, во-вторыхъ, вашъ Лихтенберге вообще слабоватъ...
Его братъ критикъ, куда выше... Единственная остро-
умная фраза въ романѣ, это что „два полусѣдита не
равны одному сѣдиту“...—осыпался брызжаншій.

— Откуда это дуетъ?... я не англичанинъ и боюсь
сквозняковъ... Преклоняюсь передъ нѣхъ культурой,

но бѣгу обыкновенно изъ Англіи
изъ за сквозного вѣтра—всюду
дуетъ, все открыто...

— Потому нѣтъ столько и при-
ѣзжаетъ умирать отъ сквозня-
въ Монте-Карло, изъ за сквозняковъ—добавила хо-
зяйка дома—восмотрите на кладбище въ Монте-
Карло, все англичане и все умершие отъ сквозня-
въ.

Лакею приказали закрыть двери террасы.

— Англичане не боятся сквозняковъ и не бѣгутъ
хлѣба! Они говорятъ о французскѣхъ—„эти господа,
которые въ вагонъ-ресторанахъ требуютъ хлѣба и
просятъ закрывать окна“—оставилъ экзотическій ди-
пломатъ въ бывшихъ гетрахъ.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ думали, что
онъ голландскій посланникъ, другие считали его
премьеръ-министромъ Индо-Китая.

— Но мы прервали васъ... Почему вы находите,
что это только фразы?..

— А потому, что эта война прежде всего силь-
нѣйшій скачокъ впередъ по пути культуры для насъ,
русскихъ... Мы сдѣлаемъ теперь реформы, которыхъ
не дожидались бы еще десяти лѣтъ, мы поднимемъ,
мы создадимъ новыя организаціи, новую промышлен-
ность... Насъ заставятъ теперь проснуться, подѣ
угрозы мы сдѣлаемъ то большее, на что способны по
своимъ дарованіямъ, но чему постоянно мѣшало
наше блаженство, разлѣзѣдство, неумѣнье сразу
раскашляться... теперь раскашлемся. И можетъ быть,
даже, на время Иванъ Ивановичъ перестанетъ вѣтъ

а Петровича, на что он тратил четыре с половиной часа из пяти часов своих служебных дней. Эта война, с частичными неудачами, наша громадная историческая удача, нам повелось...

— Вы оптимисты?
— Да оптимисты, и вам советую то же самое...
— Вы посетите номер английского „Strand“? есть ряд карикатур на тему „оптимист и пессимист“: на одной из них в проливной дождь оптимист сидит в закрытом такси, а пессимист в открытой — у них повсюду разные точки зрения. Вы сидите со своим оптимизмом здесь на мягком ковре, а пессимисты — в траншеях под дождем и сыростью.

— Вообразите, что там в траншеях больше оптимизма, чем у нас в „тылу“, на ковре.

Хозяйка приказала унести какаду, который начал вдруг дино орать, после того как экзотический дипломат попробовал его погладить. Впрочем, может быть, дипломат и нарочно раздражил попугая, будучи шокирован в своих лучших дипломатических чувствах слишком большой определенностью, послышавшейся в салонном разговоре: он привык к полутонам.

Но говорившие не утомлялись.
— Позволю себе продолжать... Оптимизм уместен сейчас и потому, что мы уже победили... Да, да победили... не Германия, понятно, а вода — это не меньше, убрало вас. Затѣм мы стрихнули с себя ишмев, которые, разумеется, снова явятся к нам после войны, но пока англичане и американцы уже лишут о нас полшута, полусерьезно „german free Russia“. Раньше было „coffeen free coffee“, „alcohol free ginger beer“, а теперь „свободная от ишмев Роксия“, „german free Russia“... Затѣм незамѣтно у

наш идет колоссальная перестройка внутри: быстро падает рубль, одновременно растет цена рабочих рук и достаток низших слоев. От нас из столицы бьются домой, в деревню, прислуга, где вдруг явились деньги, а с ними потребность строить, одеваться, обуваться, покупать детям баранки и конфеты... и даже мыться. Строится, несмотря на войну, сотни бараночных и конфетных заведений, не хватает сахара, не хватает ситу, шампань, гармоник... дешевых граммофонов.

— Она, наконец, вышла замуж! Но он не дожидается миллион и особняка. Он сбавит раньше... громко сказала сидящая рядом с хозяйкой дама, переходя на русский язык; она вполголоса говорила с экзотическим дипломатом, перемывая косточки петроградцев и рвшила прервать спорящих.

— Сейчас свадьбы кстати... Вообще всякая развлеченія, а то будет уныние... И к тому же нужен более быстрый рост населения, — продолжала она.

Всѣ улыбнулись.
— Свадьба — развлечение обоюдоострое, графиня, но по существу вы совершенно правы — спас положение оптимисты.

— совершенно верно — прежде всего не нужно уныния! Искусство — музыка, поэзия, театр спасают от него. Не только у англичан, но даже среди германцев, зараженных больше всѣх шовинизмом, много отдаленных писателей и журналистов, которые теперь не касаются войны и политики. Они говорят, что чистое искусство сейчас нужно, чем когда либо... они даже цитируют какого-то французца, который сказал, что тогда особенно нужны поэты, когда всѣм кажется, что они неумейки!...

В.А. Кривош

Сара Бернар была в Петербург с 8 по 21 декабря 1881 г. и выступала перед петербургскою публикою въ 11 пьесах, включая до 5 актов „Hernani“ (пьеса была поставлена 4 раза) и много французских авторских.

В первый приезд Сары Бернар большинство органов печати того времени относились къ французской артисткѣ болѣе или менѣе отрицательно. Суворин, между прочим, бросил такую фразу: „пазнить и уми, но ни календы гениальности“, критик того времени Л. Андерсен въ своемъ отрицании утверждал: „артистка перестаетъ быть артисткою, а является, по выражению тамбовскихъ бабъ, представленною“.

Но публика, особенно молодежь, встрѣчала Сару Бернар восторженно.

Въ день ее безбедна сцена по полнотѣ знанія была названа кѣпатою, а потому, прежде чѣмъ начать пьесу, артистка своимъ оустьемъ заявила, чтобы убоище вынести нѣтъ“.

Конечно, гастроли Сары Бернар оставили слѣдъ и въ карикатурѣ и пародіяхъ. Гастроли ее были окрещены „недѣлю Саромини“, въ журналахъ появлялись карикатуры, одну изъ нихъ можно назвать удачною и въ восторженномъ.

Графъ Алексѣй Якимовичъ написалъ удачную пародію, въ которой упоминалъ о нѣсколѣ поклонникахъ-критикахъ того времени:

Богородица Пьеръ несетъ
Легче вѣтра изъ пера
И въ восторгъ воскашетъ
Сара, Сара, Сара, Сара!
Рядомъ съ ними несетъ Славянъ
Позовъ дикаго утара,
И гудитъ какъ сто тромбоновъ:
Сара, Сара, Сара, Сара!
Всѣмъ за ними мигнетъ Утисъ,
Надувшись какъ опаръ,
И кричитъ онъ въ утисѣ:
Сара, Сара, Сара, Сара!
Г. Чудовъ въ припрыжку
Сочетъ красный носъ отъ жару
И лепечетъ задыхаясь
Сара, Сара, Сара, Сара!
Юлий Шпейеръ съ Соколовымъ
Ругаетъ точно въ дышлѣ мунъ,
Огладивъ козлаухъ развѣсь
Сара, Сара, Сара, Сара!

С. В. Шумский.
(Из коллекции С. В. Аверкиной).

Широко из немь животворить.
Души присущую ивизма
Онъ на подмосткахъ не тералъ
И горькимъ ужасомъ комизма
Онъ насъ глубоко потрясалъ.

Шумский был неподражаемый Кречинский и создал такой тип Аркаши въ „Лябъ“ А. Н. Островскаго, что выдвинулъ своей игрою всю эту пьесу. Онъ был въ молодости близкимъ человѣкомъ и ученикомъ М. С. Щепкина и, конечно, своимъ театральнымъ успѣхомъ во многомъ обязанъ своему учителю. С. Шумский долгое время жаль въ семьѣ Щепкина и лучше другихъ понималъ своего наставника.

Дочь М. С. Щепкина была въ свое время средоточіемъ всего выдававшегося тогдашней Москвой и у него можно было встрѣтить С. Т. Аксакова (автора „Семейной хроники“), Н. П. Огарева, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, М. Г. Погодина, В. Г. Бѣлинскаго и Н. В. Гоголя.

Щепкинъ былъ разумный и хлѣбосольный хозяинъ и умѣлъ соединить гостей въ живописной и интересной бесѣдѣ.

А. И. Герценъ читалъ у Щепкина свои путевныя записки, иногда безобразныя, но чаше бѣды и предлагалъ гостямъ развѣдывать импримизированныя шарады, какъ, напр., касающіеся всѣмъ извѣстнаго тогда въ Москвѣ богатаго франта и Дюнь-Жуана, помещика Сатина, имѣвшаго особую страсть къ моднымъ гастронкамъ и вертаткамъ.

Извѣстный театальный антрепренеръ М. В. Лентовскій тоже былъ воспитанникомъ М. С. Щепкина, который самъ готовилъ его на сцену. Онъ передавалъ много интереснаго про тѣхъ же расприходовъ, царившихъ въ семьѣ Щепкиныхъ, благодаря деспотическому характеру М. С., ставшему только подъ конецъ жизни вѣскозною мучею.

У М. В. Лентовскаго долгое время хранился подаренный ему Щепкинымъ драгоценный экземпляръ „Ревизора“, по которому Гоголь читалъ свою комедію актерамъ Малаго театра.

Эта реликвія находится теперь у Станиславскаго, которому, въ свою очередь, подарилъ ее Лентовскій.

Всѣмъ за С. В. Шумскимъ, вторыми комикомъ, менѣе серьезными, были Никифоровъ и Живоксини. Если Шумскій выступалъ иногда въ роли Хлестакова, что ему не совсѣмъ удавалось, то Живоксини никогда не рѣшался появляться въ „высокой комедіи“, довольствуясь ролями вроде „Льва Гурмыча Синичкина“, а главное, воевавшими выколами, произвожденіемъ всеобщаго фурора въ „перлахъ“.

Кромѣ грима, артисту помогала сдѣлать публичку до сажъ и его собственная филономія, на которую безъ сѣмъ весьма было смотрѣть.

Живоксини былъ итальянскаго происхожденія. Его дѣлъ, мелкій торговецъ Джюаквини, переселился въ Россію въ Александровское время и совершенно обрусѣлъ, а его вукъ, актеръ Малаго театра, уже не понималъ итальянскаго языка.

* * *

Въ бытовомъ роликѣ былъ неподражаемъ Прохъ Михайловичъ Сазанскій, на игру котораго съказались смотреть отпущку. Его талантъ не уступалъ во силѣ интересу Мочалову; она обѣ играла „дурнымъ“, не привлекла никакихъ соображеній, подготавливалъ, обучившись науку, расчитанныхъ поль въ проч. П. М. Сазанскій страдалъ тѣмъ же русскимъ порокомъ, что и Мочаловъ, но почти всегда выходилъ изъ положенія съ честью. Мочаловъ же иногда совершенно порывалъ роль поль влѣвшемъ несчасть бога древности — Бахуса.

Императоръ Александръ II, который такъ же, какъ и его отецъ, очень любилъ русскій театръ, въ одинъ изъ своихъ приѣздовъ въ Москву пригласилъ къ себѣ во дворецъ Сазанскаго, предупредивъ, что попроситъ его исполнить наиболее интересныя монологіи изъ его репертуара.

Сазанскій былъ глубоко возмущенъ этимъ приглашеніемъ, но и чрезвычайно смущенъ.

Онъ былъ простой человѣкъ, не получившій никакого образованія и пользовавшійся поможеньемъ сполченъ сценъ благодаря только огромному дарованію. Онъ не признавалъ крамольнаго блына, ходилъ въ длиннополомъ сюртукѣ съ бархатнымъ лакеаномъ, въ высокихъ сапогахъ съ вѣстовикомъ. Его жена носила платочки или кичку замаскированную фасонъ. Въ домъ вѣсту вѣсту измѣнъ старому писма и чадомъ лѣтлѣмъ. Говорилъ, будто Сазанскій былъ старомодомъ, но, какъ кажется, это не вѣрно, такъ какъ ни одинъ старомодъ не позволялъ бы себѣ играть на сценѣ, т. е. „тыкать дымакомъ“ и „продавать ему думу“.

Понятно, что изъ такой обстановки флѣтъ во дворецъ было не совсѣмъ просто. Прежде всего надо было позаботиться о костюмѣ.

Кто-то изъ молодыхъ товарищевъ далъ Сазанскому модный фракъ, артистъ жарился передъ зеркаломъ, ничто не вышло. — и все было, кажется, въ порядкѣ, но робость его не покидала! Онъ былъ приглашенъ къ 3 часамъ, времени еще было довольно, и Сазанскій отправился... къ Патрикѣеву...

Кто не знаетъ въ Москвѣ прежняго „трактира Патрикѣева“ или теперь уже „ресторана Тѣстова“ съ его знаменитыми растѣланъ и сѣрдѣмъ уховъ?

Появленіе Сазанскаго у Патрикѣева въ модномъ фракѣ и въ высокаго блѣдѣ, въ такую рану, вслѣхъ удивило.

— Да! — отпѣчиваетъ Самаринъ и поднимаетъ „ночь“ на ноги. Стоявшій рядомъ, С. В. Шумскій, исполнявшій тоже какую-то роль по пьесѣ, каждый спросилъ, почти вслухъ, такъ, что было слышно изъ первомъ ряду:

— Понесу же не трагъ.
А публика, между тѣмъ, восторженно хлопала, радуясь счастливой развязкѣ пьесы, не замѣняя двухъ вмѣсто „да“, и все собою перекрещено.

А вотъ еще примѣръ, уже болѣе разительный.
Въ англійской трагедіи „Дитя“, воспроизводящей передъ зрителями, на протяжении 5 актовъ, длинный рядъ всевозможныхъ злоключеній несчастнаго мальчика, на жизнь котораго, по разнымъ романтическимъ причинамъ, посягаютъ, во который все-таки остается жить, въ послѣднемъ дѣйствіи, у лица, счастнаго ребенка, спрашиваютъ въ волненіи:

— А ребенокъ?
Самаринъ съ неслабымъ лицомъ и радостнымъ тономъ возглашаетъ:

— Умеръ!
Конечно, надо было сказать: живъ!

* * *

Первымъ комикомъ Малаго театра тогда былъ С. В. Шумскій, называвшійся, какъ и Самаринъ, своимъ собственнымъ именемъ, а не вымышленнымъ сценическимъ. Это былъ комикъ высшей, доходящій до „грознаго смѣха“ Гоголя. Комикомъ Шумскаго была обаяваніи, оставляющій глубокое впечатлѣніе, и педаромъ въ одномъ, посвященномъ ему, стихотвореніи товарищески:

Мы нѣмъ привычка восхитаться,
И нѣмъ артистъ неистощимъ,
Вѣнать — и будемъ мы събиты,
А часто вѣнать вмѣстѣ съ нѣмъ.
Создать же чудо приморочка —
И нѣмъ суета, нѣмъ старика...
Дѣло, мажеры, жуть, улыбки,
Его игры — живой языкъ!
Вотъ дѣди, привѣстившій калѣхъ:
Монета, оспа, галѣй видъ,
Жизную личностъ человѣка

— Что это вы, Пров Милашевич, в таком обычай изво-
лодывать? — плахибывствовала старший буфетчик.

Садикский съ гордыню объяснял, куда онг получилъ при-
дворе.

— Боже, какой вы чести удостоились! Поздравляемъ васъ,
Пров Милашевичъ.

— Это, конечно, все такъ,—сказалъ артистъ неръшительно,—
благодарю васъ, а вотъ только... не выпилии рюмочку, боюсь, я
къ одной роли не скажу, всегъ перебуду и перепутаю...

Въ Николаевскомъ Крымскомъ замкѣ все обилало пре-
красно. Государь милостиво принялъ Садикского въ прису-
тствіи гр. Азерберга, ген. Рыбча и еще нѣсколькихъ аинъ въ
сплети и повеселъ его вротить въкоторыя мѣста изъ пьесъ Остро-
вского.

Ласковый и простой пріемъ Государя мнози ободрилъ артиста
и онъ съ такимъ одушевленіемъ и чувствомъ прочелъ роль Лю-
бима Торана изъ „Близость не пороки“, что Государь была рас-
строганъ и сказалъ:

— Я никакъ передъ собой, какъ живого, этого несчастнаго бро-
дагу съ возмущеніемъ и чистой душой.

Садикскій былъ чрезвычайно польщенъ похвалою Государя и
не ралъ вспоминать объ этомъ счастьемъ для него самаго, при-
чемъ всегда замечивалъ раскаяніи своимъ!

— Русскіе Монархи умѣютъ понимать и цѣнить искусство!

Первымъ любимникомъ въ то время былъ М. А. Рининовъ (Го-
роховскій), родной братъ извѣстной въ литературѣ А. А. Дави-
довой, обладавшій несомненнымъ дарованіемъ и умѣвшимъ такъ
привлечь и соборно изобразить всеядные типы въ пьесѣ, что
они карги выдѣлялись среди остальныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Такъ, напримеръ, Рининовъ удивительно изображалъ гит-
ского „инюта“ изъ пьесъ В. Сару „Золотая Роза“, неперажено
гримировалъ и необыкновенно правдою воспроизводилъ „проявленіи
жизни“ съ ничтожающейся героиней чашоткой.

Иногда Рининовъ выискала изъ отвѣстныхъ ролей.

Рининовъ былъ остроумнымъ и веселымъ собесѣдникомъ
и обладалъ даже нѣкоторымъ поэтическимъ дарованіемъ. Очень
часто, въ дружескомъ ужинкомъ у знакомыхъ или среди товари-
щъ, онъ импровизировалъ шуточные спитворенія.

Вотъ одно изъ нихъ.

Рининовъ просилъ присутствующихъ представить, въ своемъ
воображеніи какаго-нибудь канцлера и даму. Канцлеръ неудачно уга-
дывалъ за дамой, ей скучно и она ищетъ случая сказать ему
кошечку.

Рининовъ огибно изображалъ разные голоса и слова дамы
протискиваясь женскимъ голосомъ.

Она: Ей-ей, сударина, при насъ
Минуты кажется мнѣ часъ,
И времени совсемъ не вижу!
Она: Съ насмѣшливой улыбкой:
Составилъ мнѣ на насъ лавинки!
Конечно, вѣдь и то сказать:
Кто можетъ время ускорить?
Вотъ мнѣ такъ въ разговоръ съ вами...
Минуты кажутся часами!

Рининовъ выискала нужное забрето для будущей комиче-
ской оперы изъ русской жизни, въ ускорѣхъ изъ которой зоръ
должны были пѣть слѣдующую кантату:

Вѣ надеждъ славы и добра,
Мастро русские, поди насъ,
Быть похвалены въ русскихъ правахъ,
Родины званіи, атамъ, дубарина,
Пора, побужки, пора!
Мы ардемы въ оперѣ именьныхъ,
Отъ музыкальныхъ ихъ пѣсѣ,
Мы не хотимъ страстнѣе дѣлаться,
Но русскихъ, молодыхъ, молодецкихъ,
И разубавистыхъ страстей!

Всѣмъ вы эту увертюру
Къ тому, что русскія дѣла
Не устоятъ нѣко въ трубадури,
Который воетъ въ бѣдѣ сауду,
Нѣтъ, тронуть русскую натуру
Самые злые куарина.

Душой не къ валамъ, а къ оснѣт.
Пѣсь, русскія, зноить оснѣтъ равно...
Такъ гармонъ же въ своей триснѣ:
Впередъ, вислое Россіи,
Проволяющиеся Бѣлани
И петербургскіе Гуни!

Питомъ кѣмъ-то была составлена и музыка для оперы, но что
вышло изъ этой дѣлки въ действительности—не знаю.

М. С. Щегловъ.
(Рѣзной портретъ изъ коллекціи Д. В. Авертеевой).

Иногда жеи рѣшительнѣе выступалъ и Н. Г. Василье, умный
и образованный актер, обыкновенно игравшій „инютовъ“. Въ
этихъ роляхъ онъ былъ очень хорошъ и такъ привлекъ въ своемъ
техническомъ зодѣйствѣ, что не могъ отъ него отшатнуться и былъ
вѣдь, что бы ни играть, чуть-чуть „инютомъ“, даи въ драматиче-
скихъ спектакляхъ.

Шуный рядъ второстепенныхъ артистовъ, превосходно игра-
вшихъ и слѣвавшихся въ одно цѣле, въ подборѣ исполнителей зна-
менитой великаго труппы, дополнял обликъ, принадлежалъ
на каждого „Домогъ Щепкина“, Садикскій 2-й (сынъ Н. М. Ко-
лосова), Рыбачъ, Охотинъ, Федотовъ, Никифоровъ, Мушкетъ, Пет-
ровъ (Дюбуа), Милевскій, Черевскій и др.— всѣ они были несли
изъ своихъ мѣстахъ.

Жестокъ персоналъ москвитянина Малого театра 70—80 гг.
приваго въ не уступалъ талантами мужикамъ; дакъ одно изъ
первыхъ мѣстъ занимала и нѣтъ здравствующаго Г. Н. Федосова;
также съ подруга по сценѣ и театральному училищу—Н. И.
Никиткина. Онѣ оба помнятъ Щепкина, въ лѣтъ котораго часто
бывали, еще будучи воспитанницами театральнаго школы. Мѣтъ пе-
редѣлава изъ рассказовъ о Щепкинѣ и о его выдѣлахъ въ люб-
выхъ роляхъ: „Скутого рыцаря (Пушкинъ), Фаустова и героинички
въ „Ревизорѣ“. Покройнѣ Самарова любилъ даиже воспроизво-
дить, по мнѣнью Щепкина, Фаустова (въ Петербургѣ въ этой роли
былъ, особенно хороши Меладзе), во героинички нѣко, кажется,
теперь не исполняютъ такъ, какъ изображалъ его Щепкинъ. Обы-
кновенно его представляютъ убитымъ саученикомъ съ вѣнъ про-
мазомъ, въ послѣднемъ дѣйствіи, послѣ отбѣда Хлестковомъ, при
полученіи кошелька отъ прачки наставного режиссера, между тѣмъ
какъ Щепкинъ воспроизводилъ завершѣлаго итога, который
только жалеть, что „сорвался“ его танца и издѣваться надъ
жесткой и дѣмьрѣ, сразу расставилии передъ Хлестковымъ.

Г. Н. Федосова была особенно хороша въ роляхъ Катерини
изъ „Грозѣ“ и „Василиси Мелантиской“.

Я присутствовалъ при первомъ представленіи „Катеринской ста-
ринки“ Д. В. Авертеева, съ которыми была близка знакомъ, но не
въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, куда онъ въполнѣнѣ переѣхалъ и
гдѣ скончался.

О „Катеринской старинкѣ“ станъ много говорить съ знамо
до съ постановкой.

Всѣ Москва съдѣлалъ изъ этого шедевръ въ Малой театрѣ.
Однако, ожидая чѣго-то крупнаго были слышалъ обмануть.
Въ первыхъ дѣлахъ дѣлѣхъ героиня драмы Г. Н. Федосова, игра-
вшая Марину, была холотковата.

...аудисменты въ обоихъ антрактахъ были жадны, зрители мой отецъ, сказалъ ему, что пьеса почти проваливается. Но начался третій актъ и все перемѣнилось! Бедотовый началъ было уходить: явился подъёмъ, огонь, оживленіе. Одновременно поднялось настроеніе и въ зрительной залѣ, словно вдругъ что-то произошло и спасло судьбу пьесы.

А за кулисами произошло следующее:

Въ уборную къ Г. Н. Бедотову, во время антракта, собрались актеры и театралы; въ числѣ ихъ была и С. В. Авсекина, жена драматурга, со слезой которой и я передаю. Артистка жаловалась, что чувствуетъ себя совсемъ не въ удѣлѣ, какъ вдругъ распахнулась дверь и въ уборную явился М. Бедотовъ, мужъ актрисы. Она смотрѣла изъ залы и была совершенно разочарована игрой жены.

— Лучше бы совсемъ отказалась играть, — вскричалъ онъ возмущеннымъ голосомъ. — Ты же совсемъ не этого хотела играть.

Домъ Шенкина, конечно, и по-сейчасъ пользуется репутацией первого русскаго драматическаго театра, но слава предшлѣхъ временъ, когда онъ былъ средоточіемъ дарованій, одно крупнѣе другого, одно другого разнообразіе — сама не могла вернуться. Театръ болѣе живетъ ассоциациями блестящаго прошлаго, нежели настоящимъ...

Старый театралъ.

Вокругъ портрета изъ лѣвой стороны надпись: «ПРОФИЛЬ МАХИЛОВИЧЪ С. В. АВСЕКИНА». По обороту надписано: «Ивану Андреевичу Шенкину не помѣть отъ Савельева». 1872 годъ, 18 апрѣля. Москва.

ЦЫГАНЕ.

(Изъ жизни стараго Петербурга).

Я любилъ и люблю цыганское пѣніе, было знакомъ съ выдающимися цыганскими пѣвчими и пѣвчицами, бывалъ у нихъ въ гостиныхъ и слушалъ ихъ очень часто. Меня всегда интересовала исторія цыганскихъ хоровъ. Однажды въ ноябѣ 1883 года ко мнѣ зашелъ умершій года четыре назадъ извѣстный современному Петрограду дирижеръ цыганскаго хора Ник. Ив. Шинкинъ. Я попросилъ Шинкина разсказать мнѣ, что онъ помнитъ о цыганскихъ хорахъ и записалъ его разсказъ, напечатать три дня спустя въ одной изъ столичныхъ газетъ. Мнѣ удалось разсказать этотъ фелетонъ. Воспроизвожу его и прошу читателей замѣтить, что онъ относится ко времени, отдаленному отъ насъ тридцатью двумя годами.

Вскорѣ послѣ бродяжничанья таборамъ цыганъ, у нѣкоторыхъ богачей помѣщиковъ появились свои хоры изъ крѣпостныхъ, а вслѣдствіе организованности хоры, которые распѣвали въ домахъ по приглашенію. Затѣмъ въ Москвѣ, въ казачьихъ въ Петербургѣ, существовали семейныя залы, куда ѣздили только для того, чтобы пѣснями послушать. Постоянное пребываніе цыганскихъ хоровъ въ ресторанахъ существовало лишь около двадцати лѣтъ. Въ былые времена кто любилъ въ пытку и рѣдкимъ се похитить, выкупалъ се актъ театра. Въ настоящее время хоры существуютъ на пѣху, смотря по достоянству пѣвца или пѣвчицы. Цыганки бѣгутъ изъ хоровъ, когда получаютъ, бѣе всякаго выкупа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, цыгане по ресторанахъ зарабатывали по пѣвотѣ и въ нѣсколько рублей въ вечеръ, а теперь зарабатываютъ дѣвяти, такъ и то слезы бегутъ, а грѣхъ весьма рѣзокъ. Замѣтимъ цыганскіе хорамъ ситаніе хоры братьевъ Нины и Петра Соколовыхъ, пѣвчие пребываніе въ Москвѣ, по приглашенію и въ Петербургѣ.

Нина Соколова и въ позднѣйшее время не могла оторваться отъ кошовою жизни, развѣживая съ таборомъ... Савелия хоръ Васильева, изъ котораго вышла нѣкая плеядка красивѣйшихъ пѣвчихъ вытѣхъ. Затѣмъ хоръ Григорія Соколова, пѣвчий постоянно въ столицѣ. Въ настоящее время могутъ похвастаться хоръ Гроховскаго (и Нин. Шинкина) забавляя и застѣнчивому собесѣднику. Шинкина возмалъ въ Паркъ во время выставки — обѣ эти похвалы и скажу дальше. Наконецъ, выдѣлается хоръ Петрова, похвалы въ «Каскадъ»¹⁾.

При Нинѣ Соколовой была знаменитая пѣвица и очень красивая женщина — Стена... Она имъ красивѣйшихъ итальянскихъ пѣвчихъ

И вотъ, этихъ окрестномъ пѣса была спасена.

Успѣвъ артистка шель возрѣвша и драма закончилась полнымъ торжествомъ Бедотовой...

Мнѣ помнится и тотъ вечеръ, когда на помѣсткахъ Малого театра впервые выступила М. Н. Ермолова, бывшая тогда еще выпускной воспитанницей театральнаго училища по классу И. Н. Самарина. Она выступила въ «Эмиліи Галаттѣ», мастерски исполнивъ главную роль и сразу завоевавъ симпатіи зрителей.

того времени, услышавъ ее, пришелъ въ такой восторгъ, что свалилъ себя пѣль и подарилъ Стенѣ.

У Стены былъ дѣхъ дочери Ольга въ Анотѣ... Возвѣвъ «Цыганка»²⁾ и теперь уходящъ съ успѣхомъ на сценѣ, написанъ авторомъ, пѣвчимъ въ пѣлу знаменитую Ольгу. Не менѣе знаменита была Марья Осиповна, сестра Соколова, обладавшая чуднымъ голосомъ и грѣшавшая по Москвѣ... При Соколовѣ пѣла и Тина, увлекавшая великаго поэта. Она не была особенно хороша собой, но пользовалась успѣхомъ, благодаря ея обворожительному пѣнію.

У Иллера, на мѣстѣ вытѣхъ «Арлекинъ», пѣла сестра Григорія Соколова, Мама, красивѣйшая женщина... Тамъ-же, когда прѣзжалъ Васильевъ, ошоривалъ всѣхъ Мама и сестра его Любовь Васильевна... Мама была высокая стройная красавица съ прекрасными глазами... ея сильно увлекалось довольно извѣстное и богатое лѣно въ столицѣ... Мама умерла очень недавно, всего около года назадъ. Кромѣ красоты она обладала замѣчательнымъ голосомъ и у Иллера произвела сенсацию среди любителей цыганскаго пѣвья... И теперь яро неслъ вспоминать... Три пѣвчи, именномъ: «Я цыганка — бѣтъ книгичей», «Что такъ жалко глѣдилъ на дорогу» и «Не убожій, голубчикъ мой», она исполняла какъ никто. Сынъ и дочь Васильева, Петръ и Мама, поютъ въ «Самаритянѣ».

Нельзя пройти молчаніемъ Ману Розовку, прозванную современниками «розынчикомъ»³⁾ — она, дѣйствительно, говорить, напевавшая романсы... Теперь въ Москвѣ, въ ресторанахъ «Стрѣла», поетъ Савла изъ хора Васильева. Ее прославило когда-то исполненіе пѣснѣ «Лѣтъ ты мой, дѣтъ», отъ которой кутежиство съ ума сходило. По красотѣ была знаменита еще Душина, изъ хора Нины Соколовой. Она не пѣла совсемъ, но за одинъ взглядъ и за улыбку ея не мало бросали денегъ. Феноменальнымъ мѣсто-сопрано обладала Анота изъ хора Соколовыхъ. Благодаря романтической исторіи, она покинула хоръ и ушла въ провинцію.

Въ провинціи пользовалась успѣхомъ хора Орлова. Въ этотъ хоръ хоровое пѣла дочь его Пана и произвелада постоинно фуроръ контерсо-цыганской лѣвской его жена. Дѣхъ аксортъ умерла отъ чахотки.

Въ цыганскихъ хорахъ выделялись также знаменитыя пѣвчицы, которыхъ счастливо съблжались смотрѣть, такъ какъ-то: Матвій Петровъ и Алексѣй Соколовъ. По пѣвотѣ они считались не нѣкоторыми сопраноми.

Хоръ Нины Соколовой дѣлалъ самыя блестящія дѣла, забравъ одно время дѣвяти, какъ говорится, лозатов.

Знаменитая цыганка Ольга Андреевна Шинкина, и теперь еще красивая, начала свою карьеру въ хорѣ Васильева, потомъ попала въ ресторанахъ «Танкитъ», отуда поидне перешла въ хоръ Гроховскаго въ «Самаритянѣ», гдѣ похвалилась и братъ ея Димитрій, сильный теноръ⁴⁾. Теперь Ольга поетъ рѣдко.

1) Н. Н. Кузнецова.

2) Васильевъ имѣлъ пѣвчихъ съ феноменальнымъ голосомъ бѣтъ любимаго итальянскаго пѣвчихъ. Она умѣла отпѣснать всѣмъ.

3) Теноръ «Валда Радъ».

Ник. Шишкина, распивавший теперь в „Аркаде“, задирая, выставляя, в Парик и пил в „Троцadero“. Вильямс-ладислав „Фигаро“, два раза приглашал цыган пил к в редакцию. На одном из этих вечеров присутствовали персидский, которому особенно нравилась цыганская пляска. Она от души себасю.

На первом вечере у Вильямса цыгане слушали Оффенбаха, который благодарил Ник. Шишкина и записал несколько исполненных ими романсов.

До вечера у Вильямса персидский шах вострился цыгане, выходившие из „Троцadero“.

— Что это за люди? — спросил он.
— Русские цыгане.
— Что же они делают?
— Пьют и пляшут.
— Пускай проносят и пляшут.

Где-то на мезанин Ник. Шишкин прощался с хором раз пил и получил от шаха двадцать русских золотых.

Назавтра в кресте цыгане очень поправлялись парижской публике...

Хор Ник. Шишкина, задиравший за границу, состоял из сорока человек.

В хор Ник. Шишкина была очень хороша певичка Катя, сестра его, прозванная „курским соловьем“... Она была из Москвы пил в Парик и пил в „Троцadero“. Вильямс-ладислав „Фигаро“, два раза приглашал цыган пил к в редакцию. На одном из этих вечеров присутствовали персидский, которому особенно нравилась цыганская пляска. Она от души себасю.

На первом вечере у Вильямса цыгане слушали Оффенбаха, который благодарил Ник. Шишкина и записал несколько исполненных ими романсов.

До вечера у Вильямса персидский шах вострился цыгане, выходившие из „Троцadero“.

— Что это за люди? — спросил он.
— Русские цыгане.
— Что же они делают?
— Пьют и пляшут.
— Пускай проносят и пляшут.

Где-то на мезанин Ник. Шишкин прощался с хором раз пил и получил от шаха двадцать русских золотых.

Назавтра в кресте цыгане очень поправлялись парижской публике...

Хор Ник. Шишкина, задиравший за границу, состоял из сорока человек.

В хор Ник. Шишкина была очень хороша певичка Катя, сестра его, прозванная „курским соловьем“... Она была из Москвы пил в Парик и пил в „Троцadero“.

Вильямс-ладислав „Фигаро“, два раза приглашал цыган пил к в редакцию. На одном из этих вечеров присутствовали персидский, которому особенно нравилась цыганская пляска. Она от души себасю.

На первом вечере у Вильямса цыгане слушали Оффенбаха, который благодарил Ник. Шишкина и записал несколько исполненных ими романсов.

До вечера у Вильямса персидский шах вострился цыгане, выходившие из „Троцadero“.

— Что это за люди? — спросил он.
— Русские цыгане.
— Что же они делают?
— Пьют и пляшут.
— Пускай проносят и пляшут.

Где-то на мезанин Ник. Шишкин прощался с хором раз пил и получил от шаха двадцать русских золотых.

Назавтра в кресте цыгане очень поправлялись парижской публике...

Хор Ник. Шишкина, задиравший за границу, состоял из сорока человек.

В хор Ник. Шишкина была очень хороша певичка Катя, сестра его, прозванная „курским соловьем“... Она была из Москвы пил в Парик и пил в „Троцadero“.

Вильямс-ладислав „Фигаро“, два раза приглашал цыган пил к в редакцию. На одном из этих вечеров присутствовали персидский, которому особенно нравилась цыганская пляска. Она от души себасю.

На первом вечере у Вильямса цыгане слушали Оффенбаха, который благодарил Ник. Шишкина и записал несколько исполненных ими романсов.

До вечера у Вильямса персидский шах вострился цыгане, выходившие из „Троцadero“.

— Что это за люди? — спросил он.
— Русские цыгане.
— Что же они делают?
— Пьют и пляшут.
— Пускай проносят и пляшут.

Где-то на мезанин Ник. Шишкин прощался с хором раз пил и получил от шаха двадцать русских золотых.

Назавтра в кресте цыгане очень поправлялись парижской публике...

Хор Ник. Шишкина, задиравший за границу, состоял из сорока человек.

В хор Ник. Шишкина была очень хороша певичка Катя, сестра его, прозванная „курским соловьем“... Она была из Москвы пил в Парик и пил в „Троцadero“.

Вильямс-ладислав „Фигаро“, два раза приглашал цыган пил к в редакцию. На одном из этих вечеров присутствовали персидский, которому особенно нравилась цыганская пляска. Она от души себасю.

На первом вечере у Вильямса цыгане слушали Оффенбаха, который благодарил Ник. Шишкина и записал несколько исполненных ими романсов.

До вечера у Вильямса персидский шах вострился цыгане, выходившие из „Троцadero“.

— Что это за люди? — спросил он.
— Русские цыгане.
— Что же они делают?
— Пьют и пляшут.
— Пускай проносят и пляшут.

Где-то на мезанин Ник. Шишкин прощался с хором раз пил и получил от шаха двадцать русских золотых.

мало симпатизировал. Названный цыганский романс пил гитару Николая не умел.

В Петербург послал моей беседы с Н. И. Шишкиным пользовались особенной любовью публики Ольга Петровна и Нана Дмитриева. Оби они вышли замуж и покинули хоры. Одно время отлучалась А. В. Халбинкова, таинчиво исполнявшая пьесу „Конфетта моя, леденчатая“, в которой пестрелись такие строки:

Обычно я гробь батистом,
А сама пойду к артистам.

Халбинкова тоже вышла замуж и, несколько лет спустя, скончалась. Назову еще Домашу, пившую пьесу „Не ходи-ка ты на лед“, Палашу, отлучавшуюся в пляски. Оби они были в хор Н. Шишкина.

Тенора Дмитрия Шишкина, о котором говорится выше, иначе не называли на афишках, когда он появлялся на концертах, как „цыганским Мазиня“.

Выдающимся гитаристом был Н. И. Шишкин, а теперь известным этим искусством А. Шишкин. Я слышал первого гитариста старика Соколова, приехавшего в Петербург на короткое время. Он играл в „Ливадии“. Его имя было конечно в одной из цыганских пьес. Это был настоящий виртуоз. Гитара его и плакала и веселилась.

Громадный успех имела пьеса, которую он играл на гитар, а потом ее подхватывал хор.

У всех еще в памяти мастера цыганской пьесы покойная Варя Панина и многие слышали З. А. Давыдову, не выступающую больше на концертах. Посл Паниной никто лучше ее не исполняет цыганского романа полного грусти, восторга и влюбленности.

Всех не вспомяну.

А. Печенкин.

INTERIEUR.

I. СРЕДНИЕ ВЪКА.

Суровая башня.
Каменный покой.

Сундук оконный, и кресло у стола.

Покрывало ковровое лежало.

Замок тяжелый у ворот, но волямо синицы втер в замок.

У окна, сквозь мутную слезу, туманно-лунный луч скользил по пиджаме, а дая в своем единственном наряде, молясь, встала у креста.

Как сумрачно деревянное Распятие,

— Поздн от рада!

Томится у дверей малютка, оборотливый, азбучный.

Часы идут под молотом слезы. И дая ждуть, что скажет старей, болтающий с зыбками вверх.

И где барон? Засыпая ли в скамьи, или полный славы обернул из обратный путь?

В парадном зал мутный факель по земному полу мечет тень. Служанка тусит.

Вой собак. Звучит труба. Смятение во дворе. Гремят подымный мост цыпья...

— Кто там?...
Вь молельх дама...
Вь сумракѣ, внизу—со святой мужъ,
иль тѣло мертвое, иль вѣстникомъ
печали трубадуръ?..

II.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ.

Дремлетъ вилла въ полуденный
часъ. На стражѣ кипарисъ.

Ливня страстно дала изгибъ и стре-
мительно тинется ввысь.

Властитель утомленъ. Онъ запре-
тилъ ступать по мозаичному полу. Онъ
бонитъ звукомъ, и расторопная Вене-
ция прислала токи съ восточными ко-
врами.

Плоскія чаши изъ аметиста полны
холодной влаги.

Раскрыты классическія строки.

Онъ лежитъ. У ногъ его подруга,
и дѣломудренно скрыта красота ея
водъ парчей. Они ведутъ ученый споръ.

Онъ утомленъ. Его смущаетъ за-
пахъ дорогого мускуса, и тревожной
рукою онъ возмущаетъ ея одежды.

Сверкнула упругая грудь.

Жужжитъ пчела. Они уже не пе-
дутъ увеселъ спора.

Слишкомъ жарко.

Маленькая фигурка изъ драгоцѣн-
наго металла гандить насмѣшливо.
Сегодня принесть ее золотыхъ дѣлъ
мастеръ.

А въ знойныхъ улицахъ проходить
съ вѣсной мальчикъ-стекольщикъ, и
никто не знаетъ, кѣмъ онъ будетъ.

Эпоха Возрождения.

XVIII столѣтіе.

Угрюмо молчать пергаментные свитки.
Ему слышатся призывный лязг ору-
жия.

Со ступеней храма вьется процессія
Мадонны.

Комната съ тяжелыми дверями скры-
ваетъ звонкій смѣхъ любовницы; она
предлагаетъ ему утолить жажду отрав-
леннымъ плодомъ.

На террасѣ въ тяжеломъ предчу-
ствіи поникнулъ юнымъ станомъ люби-
мый навѣ.

А на дворѣ шепчуть о томъ, что
сбѣжала папская обезьянка.

III.

XVIII СТОЛѢТІЕ.

Роскошна лѣпка потолка.

И сонно бредить балдахинъ. Онъ
бредитъ о любви.

Соблазна полонъ алый шелкъ. Фар-
форъ и серебро.

Какъ дерзко съ двухъ сторонъ отки-
нуты драпри. Шалунъ пузатый быть
крыломъ, и золото кистей въ томленьи
шепчетъ—рай...

Тяжелый шелкъ, дерзая складкой,
открылъ готовую постель. Надъ круже-
вомъ простынь, излетая облакомъ, по-
душки ждуть.

Покой пропитанный духами.

Ковры высокими ворсомъ лунуть къ
ногамъ, и мысли дурманить сказка го-
белетъ.

Подъ зеркаломъ скрываетъ двѣрца
тайны утра, дѣскрежно задвинуть ходъ,
невѣдомый чужимъ.

По перламутру инкрустаций раз-
ны любовные записки...

Бреди колора дѣт туфельки на
красных каблуккахъ.

Вино, бокалы, жеманно на столѣ
играють гранью хрустала, на ме-
даллонъ диванной спинки закинуть
пенюаръ.

Не зная мѣры, кто-то здѣсь ки-
дался золотомъ горстями; здѣсь пре-
клоняѣсь, полный лести, согнулся по-
лоламъ придворный; здѣсь пилый
пальчикъ на рукѣ хозяйки купленъ
за лучшую провинцію страны...

Вотъ арапченокъ внѣш шкатулку,
полную камнями, и, можетъ быть,
въ придачу, въ ней смертный при-
говоръ?..

Но тсс! За нимъ спустилася портъ-
ера, оберегая тайну сладострастья...

IV. ИМПЕРИЯ.

Легкость небрежной жизни. Кла-
ссическѣ. Здѣсь коротають сумерки
за пѣсней Флакка.

Воздушный шарфъ забыть на
рукѣ кресла.

Блестящій вѣкъ ухмыляется брон-
зовой миной; побѣдоносная причуда—
журильница, возноситъ фиміамъ.

Здѣсь строги линии, и скромна
позолота. Здѣсь вѣетъ чистотой.

Послушно склонны ровной склад-
кою гардины, мерцають однотоный
шедевр.

Окно распахнуто заката. Свобо-
денъ доступъ ароматамъ жизни.

Имперія.

Biedermayer.

Гранюра тихая являетъ женскій про-
филь, зачесанъ гладко, взоръ какъ небо
чистъ, открыта грудь, высоко лентой
спитъ.

И холоденъ камень, и грековъ пор-
тикъ кажетъ мѣрно время.

Вдали кого-то громко славить черня.
И висится въ углу суровый бюстъ.

Здѣсь зыбкость цивилизованной жизни,
здѣсь фантазеръ оставилъ тѣнь на вѣкъ.

V.

BIEDERMAYER.

Пестрить обои. Полосы бѣгутъ съ
карнизомъ внизъ. На окнахъ кисея.

Въ горшкахъ цвѣты.
И шелковистая собачка сонитъ, за-
бывшись на диванѣ.

Вотъ полукай, и бильбоксъ.
У кресель мило гнуты спинки, тутъ-
запутанка, тамъ коса... Японскій ситецъ
на подушкахъ.

Забыто кѣмъ-то вышиванье; открытый
томинокъ Betanget.

Еще не стихъ узоръ бесѣды, и не
остынулъ жаръ игры...

Здѣсь кто-то былъ, и кто-то хлопнулъ
дверью...

Еще звучитъ конечной фуги звукъ.
На столѣхъ не долить шоколадъ.

По стѣнамъ держакъ картинокъ, и глядя
въ уголокъ, возмущенный, портретъ пра-
бабки тоже тутъ.

И солнца лучъ въ окно мигаетъ, со-
боявъ муфта на полу...

Здѣсь кто-то являлся, кто-то рѣзвый,
въ мятенкахъ цѣлый день шалить.

Советовъ.

Б ПУТЕВОГО АЛЬБОМА.

— Из Ливии сообщают, что германцы похитили алахи, зрелищный в Адриатическом и Средиземном морях, оказавшись при этом в лапах императора Нильгома на острове Корфу.

— Император Вильгельм, должно быть, руководился идеей орудийными расчетами, когда он в 1890 году прибыл в безымянное турецкое село «Аламань», объявившееся трагическим лабиринтом австрийской императрицы Елизаветы. Она ивановская страдала, назвала себя «бывшей из своей жены на о. Корфу, так она из пера» подвизалась лавиной своему любимому мужу Гейне. В перах находились статуи умирающего Алаха, что которой получила свое название и дала. После смерти императрицы Елизаветы, император Франца-Иосифа весьма охотно уступил Вильгельму эту идею, чтобы похоронить от воспоминаний о милой жене. Стала авламань «Аламань», Вильгельм первым делом приказал убрать памятники Гейне.

Из газет.

ПИРЕЙ.

В бухте, довольно просторной, окаймленной миловыми горами с печальной выжженной зеленью, множество судов. Стоит греческий военный флот и между ними гордость греческой — броненосец «Акрофи». Город пыльный, с халасй зеленым, с узкими улицами, снующей толпой греческих мальчиков продающих всякую дребезгу.

Купаны в десети верстах от Пирей; пошла холода часто, там двадцать миль. На этот раз я же поехал из Алены, сонел по дороге в дачном мейсе Фалеро, дачей развешен военных купальщиков. Место плоское, унылое, с выжженной солнцем зеленью. Есть, впрочем, хорошие купаны и два-три хороших отеля. Купаны в Фалеро — одно величье. Купальни далеко уходят в море и из каждой купальни выходил на общий балкон. Купанья, вилла, так, вилла «Коронел Ольга» вышла из-за полуострова и строил купанья по направлению к Александрии. Мысленно послали ей привет.

Возвратился в Перей, когда плыл греческий «Тезей» уже назывался заближающийся первой сивосты. Пароход оказался маленьким, стареньким, и до крайности грязным. Попутчиками были греческая семья, большая конторщица и торговцы, уловившие на два праздничества в Патрас. Было много молодежи и детей. Броненосцы преобладала. На пароходе набралась провозжающих, которых приходилось, по крайней мере, по десяти человек на каждого отъезжающего, «Тезей» стал выбрасывать

Окрестности города Корфу. Видеть от «Салона», дальний остров — «Остров Мертвых».

Гор. Корфу. Претонь между старой крепостью и «Эспланадой».

Окрестности города Корфу. «Остров Мертвых».

кучи черного дыма и двинулся. Провожжающие махали платками и вопили по всю ночь. Некоторые старушки плакали. Можно было подумать, что мы уехали не в Патрас, а, по крайней мере, в кругосветное плавание.

Прошла знаменитая Саламинская бухта, повернула на запад и часа через три входила в Коринфский канал.

КОРИНФСКИЙ КАНАЛ.

Канал этот представлял одно из самых интересных произведений строительного искусства. Сооружен в 1881—1893 годах французской компанией; он обошелся около 60 миллионов франков. Как будто кто-то гигантским ножом прорубил Коринфский перешеек и соединил воды обоих морей, Ионического и Эгейского. Равные расстояние между Переем и Патрасом, крупнейшим Пелопонесом, составляло около 600 верст; по каналу же оно равно 200 верстам. Издали канал кажется узкой щелью; на самом деле его ширина 12 саж., а глубина четыре. Для больших судов «Австрийского Лайола» он узок настолько, что большого пространства не было, как по саване. Большой пароход, при проходе каналом, плыл не за своим паром, а его тенью буксир, причем другой буксирный пароход вытягивал канатом его корму. Канал, причём, как страшно, в длину имел шесть верст. При входе и выходе он обозначался гранитными дамбами; стоить марки и шесты с сигналами, при несудей которых оба конца перемещаются друг с другом. Наконец, наискось 25 саж., перекрывает железнодорожный мост.

Пройдя канал, мы вошли в Коринфский залив. Был теплый, тихий вечер. Понемногу зажеглись огни. На берегах залыли мирные селен; паруса доносили церковный звон. Попутчики мои, наконец, утомившись и сидевшие на скамьях, тихо перекинулись разными фразами. Дети присмирели, утомившись за день.

Два греческих яхсы вынесли и разложили на палубе большой стол, накрыли скатертью и устанавливали приборы

Фот. В. А. Чогазова.

Островъ Корфу. Видъ съ „Салонъ“.

Корфу. Вид на бухту старой крепости. Вдали — адриатические горы.

Остров Корфу. По дороге на „Салепе“.

для обда. Все компании еле-еле уместились. Маленькие дачи сидели на холмиках. Горные склоны под стеклянными козырьками, на них палатки ночных бабок. Я был очень голоден и лез, зажмурив глаза, босиком пошатываясь на настилах греческой кухни. Рядом со мной сидела маленькая гречка, черная, как жук; на его язык, сползая заросшая волосами, олень нос вылезался, как олень среди лугунов. Оказалось, что она одно время была парикмахером в Одессе и поэтому говорила несного по-русски. Я обрадовался и этому знакомству, так как совсем не знал греческого языка. Эпифан „Фигуро“, словоополчивший, иркий и поджарый, разговаривал перед собой копейки твиз, что разговаривал со мной по-русски. Надо было устроиться на ночь. При походе того же „Фигуро“ удалось достать спящее жаркое и великолепно устроиться на самой корме, у спящего жаркого, под открытым небом. Остальные расположились еще на лаванках, еще на палубе. Проснувшись ранним утром. Солнце только что взошло. Предразвешенный туман быстро таял, задерживаясь в глубинах ущелий. Не далеко, на берегу виднелась белая лавина большого города — это был Патрас...

ПАТРАСЬ.

Съ балама номера, выходящего на набережную, открывался красивый вид на бухту, на горы по сторонам ее и овертину синих гор на горизонте. Приходили и уходили пароходы, разлаживались свистки, стучали лебедки, выгружались товары, медленно двигались товарные вагоны.

Пошесть вдоль гавани. Увидеть целые ряды черных гор — это огромные склады коринки, которая составляет главный предмет вывоза из Патраса. Коринку тут же насыпали в ящики, заколпачивали, дбали на мишках посылки и сейчас же грузили на пароходы. У рабочих руки, ноги и лица были спороважно испинны черной от раздаленной коринки. Все земля около была пропитана этим же соком...

Коринкский канал.

Корфу. Рыбачья барна.

КОРФУ.

Раннее утро. Вокруг острова пляжи, ровные овертины. Это назывался остров Корфу. Скоро мы порывались съехать от оконечности, съ вершины Астротика, и шли вдоль берегов. Частью скалистыми, частью покрытые лесами, они шли овертинами. На берегу можно было разглядеть на одной из дельсинских береговых высот вышку „Асфидон“, представляющую собой каменный и ступенчатый красиво выходящий на фоне темных кипарисов. Скоро на берегу показалась пред-

Гавань устья Патраса „Св. Николая“ имеет перпендикулярно набережной и возвышается в горы. Наверху старинная крепость, чуть ли не гекутаской постройки. Вдоль стены ходят часовые, малолетние и незрелые. От крепости красивый вид на лежащий внизу город. Зелень в городке вообще мало и лишь на окраинах видны сады, склоны гор покрыты виноградниками и сферо-мелкими олео-новыми деревьями.

Возвращаясь с горы, зашел в церковь Св. Георгия. Там шла служба, было много молящихся. Пивные, как и в других греческих церквях, открыты во всю ночь. Много женщин. Женщины из Греции одеваются больше в темные платья. Это объясняется тем, что греки носят траур, и в ссылах произвольный, даже по самым ясным причинам. Косметическим, а так как всегда кто-нибудь из умерших, то греческие женщины так и не выходят из траура.

Около двенадцати часов ночи на рейд пришел большой пассажирский пароход итальянской компании. Я взял свой багаж, напал лодочника, и мы отправились на рейд. На ночь темнота была кристально, точно как будто пропала, проваливалась лодка. Деревья тут на овертивах. Несколько раз напалась на спички барна. Наконец, выбрались из бухты.

ты города, дачи и, наконец, на скалистом выступе, характерная выложенная башня «Старой крепости». Саблаки крутой горы валило и бросали вкось из бухты.

Отель оказался не дурной, можно устроиться удобно. Комнаты во втором этаже с балконами, выходящими на запад, в небольшую гавань. Столовая, очень прохладная, находится внизу. Кухня довольно хороша, кухня итальянско-французская, наполюну греческой: спиртные напитки, на столах чистая скатерть, и на полу ковры. Спать удобно, особенно для греков.

Уже 52 года, как греки владеют этим чудным островом, хозяйничают там, и, по правде говоря, очень плохо. Все, что есть хорошего на Корфу, из смысла его благоустройства,—набережная, сады, бухта, хорошая погода—все это сделано еще англичанами. Греки же только не прибавили чего-либо к этому, но даже не считают нужным поддерживать старое.

Комнаты Корфу с середины марта до середины июня очень мягкие: стоит романская, теплая, сухая погода. Зелень, свисая и осыпая, покрывает все холмы и отлоги горы, напоминая бульвары в садах. В это время, а также в сентябре, октябрь и отчасти ноябрь, пребывание на Корфу очень приятно. В зимние же месяцы, со середины ноября по февраль, идут продолжительные дожди, напоминая туманы и высокую температуру — резко колеблется. В июль и август стоит убийственная жара, все высыхает, зелень чахнет, покрывается белой известковой пылью, которую несет жгучий ветер. Одна кактус и агавы чувствуют себя прекрасно в такой атмосфере.

Корфу, как значимая климатическая станция для больных, конечно, не выдерживает сравнения с курортами Италии. Но провести там время здоровому человеку очень приятно. Это не курорт, так как нет ни санаторий, ни даже хороших отелей. Купание и то весьма неважно. Существовать лишь одна купальня, которая лежит довольно далеко от центра города, идти приходится по вымощенным улочкам; кабинки, грелки и т.д., поставлены на берегу в узком мысе, среди камней. Место выбрано крайне неудачно, так как тут всегда дует сильный севильный ветер. Вода прохладная даже летом; это объясняется, вероятно, тем, что между островом и берегами Албании восточно существует течение. Около города нигде нет пляжа.

Весь город расположен на высоте берега. Самые возмущенные и выдвинутые в море части здания жилищных построек — «Старой крепости», расположенные на двойной скале. Между берегом и крепостью проходит широкая дорога, в которой ютятся узкие выкопанные лачужки албанского Яты-Кубы. Через дорогу перекинуты мосты, ведущие к владениям крепостных аристократов. Крепость, почти разрушенная из-за рук греков, уже пришла в печальное состояние. Из небольшого дворика уходить невозможно, иррегулярные горняки, трещат барабаны...

Из окрестностей Корфу можно осмотреть королевскую дачу Митерос, «Сонет» и виллы германского императора.

Дорога из Митерос по шоссе, густо обсаженному громадными каштанами. Дома и дачи с закрытыми ставнями: днем все прячется от жары, не видно даже мальчишек.

Пароход очень красив и живописен из-за его национальных костюмов. Мужчины носят обильные позументные куртки, на подбеленных штанах, широкие шаровары, высокие чулки и ботинки. Их костюмы, желтый преобладающий яркий цвет, вышитые жемчужными, шелковыми нитями, высокие прически с плоскими челками, с кружевом, из волосах белые, они не позволяют себя фотографировать, открывавшись от направленного взгляда.

Митерос окружен красивой высокой рощей. После жгучего солнца и жаркого зноя сразу вступаешь из темной тенистой лощины, узкой, прохладной аллеи идешь по разным направлениям. В просветах одной из них падает красивый дворец. Благо-

Остров Корфу. По дороге в «Митерос».

Патрас. Вид от крепости на город и бухту.

Улица в г. Корфу.

дари защищенному положению, из парса растут на открытом воздухе пальмы, лавровые и бамбуки.

После Митерос шоссе сворачивает в сторону, а пыльная тропинка ведет по гребню горы над обрывом, покрытым густыми олиственными рощами. Горная тропинка оканчивается и образует круглую площадку «Сонет». Вид отсюда очень интересный: красивая на Корфу. На скалистой и блестящей поверхности скалы скалы, отражаясь в воде, для небольшого острова. Ближайший соседний с берегом узкой каменной дамбой. На нем крошечная башня часовая и дом для священника. Дальше покрывает рощей аристократов. Говорят, что с него Бисмарк писал свой «Остров мертвых». Действительно, очень похоже, но, оказывается, художник никогда не был на Корфу.

Видны остров кажется меньше красивым, чем издали. Всплываю паракет обильные постройки в зданиях, чаше кипит. Обходя его кругом, можно вернуться к западному берегу залива. Говорят, что здесь Оливер был вынужден морем и встретился с широким американизмом.

Чтобы осмотреть виллу кайзера «Achilleon», надо идти по шоссе через предместье St. Rocco. Завтрак быстро пролетит, а часть города и каюты по узкой дороге. Кухня-итальянская, громада плавает бичом. По обеим сторонам скалы широко возмущены поля и виноградники. Дорога поднимается к гору.

Гладис Кулерь самая популярная актриса в Англии; её в восторг от её игры, и её увлажняющего себя англичанина или иностранца, включая инициацию эти строки, который не был бы в неё безнадёжно влюблен...

Лондонская актриса Гэби Далли, в «своеобразном» головном уборе «итриная нежность»... Далли известна своим шиком, остроумием, эксцентричностью и романом с её королём Мануэлем.

безумие переходить одно в другое столь же незамысловатым юмором, как оттики пересыла на шею голубя. При этом мировые становится правдой, что ничего не случается особенно любить или ненавидеть. Если бы какое-нибудь общество, философия или религия имели бы абсолютную истину, то она несомненно подчинил бы себя всё остальным и была бы единственной в настоящее время. Но мы хорошо знаем теперь, что всё то, которое считали себя когда-то истинными истинами, в действительности ошибались. Можем-ли мы в таком случае без слеза батальная предполагать, что будущее не осудит нас так же, как

мы осуждаем прошедшее? Вот те констативные мысли, которые подсказывают мне мой глубоко личностный ум... Широкий поток забвения несёт нас в неизвестную пропасть. О бездну, ты единственное божество! Слезы всех народов — настоящие слезы, грёзы всех мудрецов заключают в себя долю истины. Все в этом мире грёзы и символы, Боги переходили, как и люди, и было бы несправедливо, если бы они были бессмертны. Вера в них не должна быть нашим щёлком и довольно казалось бы того, что мы облачаем её в тот пурпурный плащ, который причисляет умершим богам... Это «молитва» «Отче

Морская экскурсия воспитанников средней учебных заведений на пароходе «Ильмень».

Отчаяние парусной шляпки.

Фот. И. Шведберг.

Сіамскій посланникъ Пра Визанъ Бачаяничъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

М-не Пра Визанъ Бачаяничъ, супруга сіамскаго посланника.

Старинныя китайскія вазы и чаши.

Члены Сиа́мского посольства: на центральном посланник Про Велакх Бачанакит; по правую от него руку 1-й секретарь Луанг Липиворн Косонг; по левую руку атташе посольства Ная Чанг. В отпуску советник и военный агент.

Столовая, богато отделанная темным дубом.

Старинная бронзовая статуэтка сиа́мского божка.

Сиб. фот. „Сп. и Ут.“

Старинная бронзовая статуэтка сиа́мского божка.

Будуарь супруги посланника.

Смачан из Петроградъ. Реализмаъ приза „Продукъ“ 12 юла 1965 г. — Финанс.

наши* современного скептицизма. Ее различные, своеобразные вариации можно услышать в „Thais“ и в „Le Calfé du Moi“, в „Le Diable“ и в „Une nuit au Luxembourg“. Интересные мысли высказывает автор о том, как мало помалю до сих пор Западная Европа в русской литературе!

...Как мышь порою улавливает характер современной парижской литературы (в особенности драматической), так и французы не без неудачнога поглядывают на то, чьим восхищением мы. Прочтите парижанку «Ревюора», она как влюбленная похвалит — la vieille polonaise française, — но про себя подумает, что, если это фарс, то онг технически не очень хорошо «сданы»; если же это «глубокое» и «интересное», то почему же не написать на французском? То же мыслит не открывает передь нами новых горизонтов. А назв. «Женитюль» она даже не угадает; да и не может угадать француз, привыкший к парижским мастерам сцены, про видя таких эффектов, как палец монаха Плутокса, фамилия Дирки и Яннины или прыжок Подколесова из окоя. Когда же вы ему прочтете статьи Биланского, гдѣ «Ревюора» и «Женитюль» признаются за величайших производителей искусства и высказываются в пользу Гюгю, Гюгю, Гюгю, то съ нимъ не спорить. Разумеется, за Толстого, Достоевскаго, Тургенева было сказано во Франци несконечное: всѣмъ то какъ вернулася къ Россіи Мельшоръ де-Вогюа, сыгравшій роль Коулауба въ отношеніи новаго міра русской литературы, французы отдали даже искренняго восхищенія художественному гению этихъ гигантов. Но русская философская мысль заинтересовала ихъ гораздо меньше. Французы даже не раздумывали въ области философскаго, и не могли сказать о своемъ собственномъ мнѣніи. Въ Европѣ тогда силамъ атлетическимъ выражали нѣтъ и не было. Даже въ «Легендѣ о Великомъ Инкантаторѣ», въ которой Достоевскій называлъ отрицаніе, не свирѣпѣе огуломъ и мерзавцамъ русскаго декаданса, французы не находили ничего новаго. «Все позволено» Илэи Карамазова въ сумерѣхъ мало ошмечаетъ ихъ. «Alors ce que vousdais, ah! ces choses là» — мыслитель, оригинальнѣе чѣмъ Достоевскій, однако Фюберъ въ «L'Art et la Manière» поправляется только да вернётся тому, а въ третьемъ, во его мѣтло, русскій писатель, «домогается и философема», вслѣдствіе чего «déréglerde l'affaissement» Борк, или, основнй принципъ французской мысли; нельзя повторять и такъ же, нельзя повторить другихъ, де-Вогюа не повторяетъ его, Фюберъ не повторяетъ, «Всѣмъ энци!» (т.е. телеграфическо), говорятъ эти, «насъ не пугаетъ идея».

Описывая торжественное заседание в стенах Сорбонны, посвященное памяти Толстого, автор приводит курьезные подробности.

„Особенно слабо было русское отделение концерта, представленное пением малороссийского хора и игрой оркестра базальничников. После этой музыки я вышла, говоря:

рыбу Аятоль Франс. Разумеется, ораторы удаляли и сколько комментаторов, русские участники концерта и так показкой отказались от того, как они исполнили *«les nobles champions de la Russie révolutionnaire et héroïque»*. Если принять во внимание, что русские участники концерта пели: «на дв-чм, на гу-гу, ага, ничего не говоря», то легко догадаться, что этого комментатора Аятоль Франс мог подбавлять довольно увеселительно...

B. K.

ЗАПИСКИ ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТА П. Е. АННЕНКОВОЙ.

Pauline Queble,—авторъ записокъ родилась въ 1800 г. въ Лотарингii.

То, что она видела и переживала на своем веку, превзошло фантазию романиста.

Дочь роилиста — королевского друга, любимого обломки-студя по голой за крика «vive le Roi!» и ругательство по адресу республику в 1793 году, она дважды же раз видела Наполеона, часто ее Александрия. Потому неосуждая, по собственному влечению, она отправляется в Россию, становится женою декабриста Анненкова, посылает Петропавловскую крепость, добивается личного приема у императора Николая I и по его разрешению бежать в Сибирь на каторгу к любимому человеку и только там заканчивает ее жизнь.

...Она помнит комету 1812 года, и помнит слова дяди-офицера, ужаленного у матери нажавши выступлений в походе на Россию: „Бог знает, вернусь ли я, мы здесь сражались с лучшими в мірѣ солдатами; русские не отстаютъ“. Она легла на подушку Гоголина...

Съ катастрофою имперіи Наполеона, мати єя жила въ пенсіи въ 12 тыс. фр. и Полина поступила приказницею въ торговый домъ въ Парижѣ, Моно. А въ 1823 году она принимается предложеніе торговаго дома взѣзть въ Россію, въ Ламонсе въ Москвѣ.

«Какая-то невидимая сила влечла меня в эту неизвестную
в то время для меня страну», говорила она.

За полгода лишь до 14 декабря 1825 г. она встречалась с Н. А. Анненковым и она любила друг друга. На предложение пожениться, она отвечала отказом, считая себя невольной ему, так как он был богат и знатен, а она существовала своим трудом. Они были сыновья А. Н. Анненкова, — дочери И. В. Яковля, — заместякая всей Сибири при Елизавете II.

Вся Москва знала ее за сказочную роскошь и вичакала ее въ своихъ модахъ „*Elle reine de Hollande*“ —

Была многолюдная армия въ Пензу, куда прѣхала и мой милый матианъ Дамаскъ, гдѣ она была старшему продавщицею. Амвросіевъ прѣхалъ сюда же за ремонтомъ лошадей своего казакскаго полка. Съ нимъ было много денегъ. Случайно она узнала, что лавка угрожаетъ створиться, и она и развѣ убого выиграла на 60 тыс. руб. Разнымъ хитростямъ она успѣла обучить себя до глубокой ночи. Указавши при магазинѣ на утро, она была готова пріятельски предложить частнаго несида въ дѣлѣ, въ 45 летъ, и въ 40-лѣтнемъ —

...Они вместе выехали из Пекина. В попутной церкви было все приоткрыто для влюбленных, но она твердо отказалась от брака без согласия матери его.

Когда Анисимов сознался ей, что участвует в тайном деле и что его ожидают каторга или Сибирь, она поклялась послужить за него всюду.

Узнав про его арест, Полина бегает в Москву к его матери.

— Стелуза была окружена призраками, и жить в неволе было тяжело. Когда она меня потребовала к себе, я была поражена тем, что увидела. Мил, как иностранец, казалось, что она была из северных широт, была высокая, громадная, на нем было до 150 человек, составлявших сенту Анна Илантони: парадные коммунты было всего восемь, но Анна Илантони имела почти 15 коммун, где она жила: она имела все, что хотела, и не употребляла ни посланного, ни местного мяса. Она все выносила извне, и в коммунты к себе, не перила шуму, потому что в коммунты входили по чужакам и бешмакам, и никто не смел говорить громко, и ели проставити. Беза доказал, что все никто никогда не входил. Чтобы принести кому нибудь, собиравших двадцать тысяч перемон, я перила, желая видеть ее, она дала ее присла на нем выход по шти-мучи часам.

В офицерской школе постоянно 12 офицеров, из кухни было 14 поварами, и огонь никогда не прекращался, потому что Анна Ивановна всегда приходила, фаянсы сполнились, чай-кобузак уснул не в назначенный час и это стало еще чаще ночью, как как для сна у себя, так как и для отдыха и заправки не было назначенных часов. Все делалось по плану, но первую требовали Анны Ивановны Комната, где она постоянно находилась, была ее обитая маляновым шифром; посреди комнаты давало возмущение, на котором стояла кусты под балконом, от кустов полукругом с каждой стороны стояло по 6 ать их величественного Благо маршера самой тонкой работы, и из них торжества лампы. Эффект, произведший все эти обстановки, был чрезвычайный. В этой комнате Анна Ивановна совершила свой туалет также необыкновенным способом: перед ней стояло 6 дшаушки, кроме тех, которые ее приспичивали; на шесть 6 дшаушек были надеты разные принадлежности туалета Анна Ивановна: она ничего не надевала без того, чтобы не было согрето предварительно животной телодвижением; для этого выбирались все красивые дшаушки от 16 до 20 ать, после 20 ать их назначали на другие должности: даже место из карет, перес-

[illegible][illegible]

даже ей выхаживать, согривалась тем же способом, и для этого делалась очень толстая ивака, которая за ночь выдала садилась в ящике на то место, которое потом была занята Аня Ивановна. Пока она выжила ивака нагревала место в креслах, в которых Аня Ивановна всегда сидела.

Аня Ивановна никогда не ложилась в постель, она спала на кушетке, на которую расстилалась что-нибудь мягкое, и покрывалась каким-нибудь салоном или турецкою шалью; на ночь она не только не раздевалась, но совершала даже другой туалет, не менее парадный, как дневной, и с такими же перемещениями. Надвигалась обыкновенно бальная пемюара, вышитый или с кружевами на шелковом шатюном шелк, вышитый или с кружевами, и бальная пемюара расправлялась, как будто бы она была из какой-нибудь баль. В таком пышном туалете она гримировалась на кушетке и никогда не оставалась одна. При ней было до 40 добрых или дурных и женщин разного возраста, которые поочередно должны были находиться в ее комнате. На ночь же комнату Аня Ивановна выносила диваны, на которых и выжила дежурная; они должны были сидеть всю ночь и непрерывно говорить шепотом, под их говор и шепот дре-

мывалось добывать позволение забавляться за ними в Сибири. В мае 1827 г. она была уже в Вильне, чтобы лично подать баль-шесу там же провадом государю Николаю I прошение.

Она останавливалась там рядом с компаниями великого князя Михаила Павловича и была жестоко разбужена в 3 ч. утра страшным шумом барабана: за товою перепорочкой великий князь учил у себя в комнате барабанившего бая для выезда Государя...

Разрешение Государю было дано на показку и показано имя в 3 тыс. руб. ей на дорогу. Когда ей передали для подписи официальную бумагу, все покрытую шифрами, она спросила у чиновника, что это такое?

Она отвечала, что это номера тех сторублаемых ассигнаций, которые в показку на дорогу от государя Николая Павловича, и прибавляла, улыбаясь, что государь, вероятно, не доверяет им, т. е. полиции. Уходя, в вынул 25 рублей, чтобы дать чиновнику, который переводил имя бумаги, и не зная, как предложить ему, так как она была увешана весь орденами, но она приняла и очень благодарил меня...

Интересными чертами отбавлять П. Геба свою показку на Сибири.

...Вопреки уверениям Александра Дюма, который в своем романе: "Mémoires d'un maître d'arme", говорит, что шала стая

„Год войны“, Картина худ. С. К. Пюторовича.

Фот. К. Гамбирович.

мала причудливости, а если только он умоляла, она тотчас же просилась...

Ее доходы свалились на конюшю на подарки и никто не имел туревого, сколько денег туда сыпалось, а отсюда бралось на расходы. Испортилась и верность в дом были таковы, что когда концы жизни старуха Анисковой, все ее серебро было заложено, она выкупила ради званого обда и на другой день снова заключалась.

Но в это время, ее комнаты были полны на магазин, так много было в них всякого богатства! Однако платить было слишком до 5.000: для них была особенная книга, с приложением, образцов, по которым Анискович выжила деньги для ее оплаты. Два стула были изолосены самыми разными кружевами, длиною до 100 тыс. Царя комната была занята разными дорогими мягким, вышитыми или шелком. Когда ей привели кляну ивака, то покупала она из иваки куски, чтобы на у кого же было нечто добывать!

Она жила в ореол величия, митрополит московский Филарет бывал в ее частном гостем... Ее сын должен был выдаться за ней не иначе как затупый из мизантро. Случившиеся несчастья с женой, зрели, насколько не забла ее и она ее сделала из мизан, чтобы обмануть его покоем.

После того, как увезли на яхту Анисковича, Полна Геба,

во время сопровождения меня всю дорогу, я видела во все время моего пути из Сибири только одного волка, и толп уланов, поджигая злости, когда ямщики начали кричать и уходить кутами.

Во время остановки она была гостеприимно принята в Иркутск семье купца Наквасина. Они всечески старались развлекать меня, кланя каждый день по Иркутску в великодушных синих, с великодушным упрямом и такими же ласками; угощали вином, что только можно было войти в Иркутск. Вообще она жила очень бедно, парализованно, странно, выжила все наряды из Москвы, и любил показывать своим богатством; но роскошь не была только наружная, и ограничивалась парадными комнатами, а вообще они жили очень грязно; что жилось мне больше всего в глаза, это столовое белье, которое было очень грубое, осязало рло жилось и совершенно не отбавляло, как и вся вообще сервировка стола, очень кустыми и великодушными обдами.

...Десять лет спустя, когда из Петровского завода явля переехал на поселение и мы остановились, проводив в Иркутск, Наквасина пригласили меня со всей моей семьей обда. Они были совсем уже другие люди, говорили по французски, а я уже по русски мог выразиться, и они высказали, что обдами никому другому, как мне своей цивилизации!...

Вас. К.